

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДМИТРИЯ БАШКИРОВА

Рос. муз. газета - 2001 - № 14 - 17

После долгого отсутствия (в течение примерно десяти лет наш известный пианист преподавал в Мадриде и гастролировал за рубежом) Дмитрий Башкиров вновь появился перед московской публикой. Самое яркое впечатление от этой встречи состоит, наверно, в том, что пианист почти не изменился. Та же пылкость, та же свобода и гибкость пианизма, та же крылатая легкость фразы, тот же (или почти тот же) бурлящий темперамент - хотя, отметим, концерт был приурочен к 70-летию артиста. Башкиров все в той же прекрасной форме, очень для своего возраста молод, подтянут, худ, подвижен и в общем узнаваем. Пребывание на чужбине мало повлияло на его интерпретации. Запад, так сказать, не "испортил" его, но, с другой стороны, и не прибавил каких то новых, скажем, "испанских" красок в его пианистическую палитру (впрочем, об этом ниже). Наверно, многие меломаны помнят Башкирова еще со второй половины 1950 годов, когда он - тогда еще молодой лауреат парижского конкурса, воспитанник А. Вирсаладзе (в Тбилиси), а затем А. Гольденвейзера, - как некая яркая комета ворвался в московскую концертную жизнь. Башкиров всегда был любим публикой и остался ею любим, что доказал прошедший при переполненном зале концерт в БЗК 4 ноября. Я уверен, что успех гарантирован ему и в будущем, и не только благодаря неоспоримому виртуозному мастерству, но и по причине очень откры-

той, "коммуникабельной" манеры общения с аудиторией. Пианистическая манера Башкирова выделяется легкостью и пластичностью звука, ловкостью, и я бы добавил - своеобразной нарядностью, в выполнении разнообразных фактурных задач. Его чрезвычайно привлекательная манера словно возвращает нас в далекие 50-60-е годы, вызывая даже некоторую ностальгию по тем временам. Пианист все играет очень свободно, естественно, без увлеченности крайностями, которые столь часто встречаются на сегодняшней концертной эстраде, то есть без чрезмерной изысканности, но и без претензий на "львинность" и сверхмасштабность. Он не стремится подавить слушателя ни мощью октав, ни скоростью пассажей, ни многозначительно замедленными темпами, ни затуманенным звуком. По сравнению с прошлыми временами его игра стала, пожалуй, еще более тонкой и в то же время более сосредоточенной, мудрой. Наиболее сильно это ощущалось в песнях Шуберта - Листа, то есть в музыке, исполнением которой Башкиров снискал славу чуть ли не с юных лет. Именно здесь воочию были видны лучшие черты Башкирова-лирика, и, кстати, особенно в тех случаях, где сам Лист был более сдержан в создании пышного "оперения" для шубертовской мелодики, например, в "Литании" и в "Двойнике". Очень убедительно прозвучали и малоизвестные у нас ранние (1812) шубертовские Вариации фа мажор.

Что же касается второго отделения, то здесь мои впечатления оказались более противоречивы. Это касается и пьес Скрябина (семь Прелюдий из ранних опусов, от ор. 11 до ор. 37) и, особенно, Поэмы ор 32 № 2, в которой, по моему, не хватило адекватной этому произведению масштабности. Вообще, полетность и ажурность более свойственны пианизму Башкирова, чем весовая игра и объемность, он скорее умелый дизайнер музыкального пространства, чем монтажник стальных конструкций. Он не взрывает форму произведения, но скорее изящно реставрирует ее для музейного экспонирования. Отдельного разговора заслуживает исполнение произведений Дебюсси. (Были исполнены шесть Прелюдий, затем Прелюдия из сюиты "Pour le piano" и "Остров Радости"). С одной стороны, все вроде было очень хорошо (за исключением, быть может, несколько торопливо прозвучавшего "Острова радости"), но лично для меня тут во многих случаях не хватало, так сказать, "эксплзивности", едкости, остроты испанского колорита (например, в "Воротах Альгамбры" и в "Менестрелях"), нервной эксцентрики (в "генерале Лявине"), а кое-где не хватало и настоящей фортепианной мощи, особенно в кодах Прелюдии из "Pour le piano" и "Острова радости". Хорошо известно, что в Прелюдиях этого автора мы сталкиваемся с парадоксальным и пестрым сочетанием юмора, иронии, различ-

ных типов колорита (в том числе и парижской эстрады) и - не в последнюю очередь - трагизма (это касается и многих фрагментов из в общем-то совсем не трагичных пьес, вроде "Генерала Лявина" или "Менестрелей"). Ирония Дебюсси горька, что, между прочим, сблизает его музыку с музыкой Испании (и не только там, где отчетливо слышны испанские ритмы). Мне показалось, что пианист придал Прелюдиям несколько иной - пасторальный, пастельный колорит, что, впрочем, с точки зрения принадлежности их к музыкальному импрессионизму также вполне оправданно. Все зависит в данном случае от того, какой "мерой" мы измеряем творчество любого композитора, какие акценты мы хотели бы в нем расставить. Ведь не случайно же среди великих интерпретаторов фортепианного Дебюсси мы не видим ни одного француза!

...Пианист много и охотно играл в тот вечер на бис. Запомнились ажурный блеск и остроумие в "Венских вечерах" Шуберта-Листа, виртуозный напор в фортепианной транскрипции рахманиновского романса "Весенние воды". Вечер завершился "Юмореской" Щедрина, где умение пианиста повести за собой аудиторию нашло достойное завершение. И если правда то, что Д. Башкиров намерен больше чем прежде бывать (и играть) на родине, то этому известию можно только порадоваться.

А. Хумрук